

О.Л. Сумарокова

Поступила в редакцию: 21.01.2016

Передана на рецензию: 21.01.2016

Получена рецензия: 13.02.2016

Принята в номер: 25.03.2016

Теория о непереводаемости Корана как инструмент манипуляции общественным сознанием: на историческом материале Российской империи

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина; futureya@rambler.ru

В статье рассматриваются основные принципы теории о непереводаемости Корана на языки неарабоязычных народов, исповедующих ислам, исследуется ее влияние на характер взаимоотношений исламского духовенства с тюркоязычными адептами ислама Туркестанского края и определяется ее значение в государственной концепции управления подданными-мусульманами Российской империи начиная с XVIII в. Автор приходит к выводу о том, что теория о непереводаемости Корана в руках заинтересованных лиц способна служить инструментом манипуляции общественным сознанием и намеренного искажения истин традиционного ислама. На сегодняшний день этот вопрос обретает сверхактуальность ввиду роста мусульманского терроризма, находящего идеологическое обоснование в трактовках мусульманского вероучения.

Ключевые слова: *Коран, ислам, переводы Корана, тафсир, Туркестанский край.*

The article deals with the main principles of the theory of the Qur'an untranslatability into the languages of non-Arabic-speaking peoples professing Islam. The author explores the impact of the theory on the nature of Islamic clergy relationships with Turkic-speaking adherents of Islam in the Russian Empire and determines its role in the concept of public management of Muslim subjects, starting with the 18th century. The author concludes that the theory of the Qur'an untranslatability may be used as a tool of public consciousness control and deliberate distortion of traditional Islamic truths. Nowadays, the issue gains a particular relevance in view of the growth of Muslim terrorism that finds ideological justification in the interpretations of the Muslim faith.

Keywords: *Qur'an, Islam, Qur'an translations, Tafsir, Turkestan.*

Введение

Первые сведения об исламе появились на Руси еще в IX в. через переводы христианских полемических произведений. С расширением торговых и дипломатических контактов России с мусульманскими странами сведения о жизни и быте мусульманских народов, их культуре и вероисповедании дополнялись и уточнялись. Их сбор и анализ в XV–XVII вв. обрел систематичный и научный характер, а одним из главных предметов изучения стал Коран – священное писание мусульман, представляющее, согласно исламу, свод откровений, произнесенных от имени Аллаха пророком Мухаммедом. Представляя в своем каноническом, законченном виде солидную книгу, записанную на курайшитском диалекте арабского языка и состоящую из 114 сур (глав), разделенных более чем на 6000 аятов (стихов), Коран являлся в мусульманском мире своего рода источником конституционного права, основой законодательства, науки, образования и воспитания.

Впервые текст Корана был сведен воедино зятем пророка Мухаммеда третьим халифом Усманом ибн Аффаном. Одно из преданий мусульман гласит о том, что в ходе сражения в Йамаме против вероотступников Абу Бакр ас-Сиддик, первый праведный халиф, пригласил Зейда ибн Сабита, личного секретаря и писаря Пророка, чтобы сообщить ему, что «сражение ожесточилось, и в нем участвуют кура – знатоки и чтецы Корана. А со смертью кура может быть потерян и Коран» [1, с. 400]. Несмотря на сложность поставленной задачи – собрать все списки Корана, запечатленные на кусках материи, листьях финикового дерева и плоских камнях, а также записать его отдельные фрагменты со слов хафизов – хранителей священной книги, знавших ее наизусть, – дело было сделано. Записанные Зейдом листы долгое время хранились сначала у Абу Бакра,

затем у второго праведного халифа Омара, перейдя по завещанию к жене пророка Мухаммеда Хафсе бинт Омар ибн Хаттаб. В 656 г. третьим халифом Усманом с них были сделаны копии. Переписанные вручную экземпляры Корана были отправлены во все области халифата, а оставшиеся после работы комиссии свитки были сожжены.

Подход к пониманию Корана среди тюркоязычных народов Туркестанского края

Стремительное распространение ислама с VII по XVII вв. среди народов неарабского происхождения актуализировало вопрос о необходимости перевода Корана на национальные языки исламских адептов. Однако, как заверяли исламские богословы, ссылаясь на отдельные аяты, дело это считалось небогоугодным, а текст Корана непереводаемым.

Взгляд мусульман неарабов на непригодность переводов Корана нашел свое выражение в диалоге, состоявшемся между узбекскими муллами и А. Борнсом, английским дипломатом, капитаном британской армии, во время совершенного им в середине XIX в. путешествия в Бухару. «Однажды, – пишет он, – говоря с узбеками о Коране и его содержании, я сказал, что читал его только в переводе. “Неразумный же ты человек, – отвечали они, – можно ли перевести эту священную книгу на какой-нибудь сторонний язык, когда в ней каждая буква каждого слова имеет свой собственный смысл, понимаемый только в подлиннике”. После этого я уже не решался высказывать пред ними своего богословского знания, ибо они по-своему опровергали все мои доводы» [11, с. 103].

О своей полемике с устькаменогорским и ахмеровским муллами, возникшей по тому же вопросу, вспоминал миссионер Е. Елисеев. Когда он приводил своим собеседникам из Корана противоречивые, на его взгляд, места, они не верили ни ему, ни его переводу, утверждая, что «Коран как книга, написанная на арабском языке, на котором говорят сами ангелы, доступна пониманию только ангелов, но отнюдь не простых смертных». На это миссионер не мог не заметить, что «если Господь дал дар говорить каждому на своем языке, то почему же нельзя славить Бога на том же языке, тем более что при молитве требуется участие воли и сердца». Но от дальнейших объяснений муллы уклонялись под тем предлогом, что беседовать о вере опасно.

– «О вере, – говорил мулла в свое оправдание, – может рассуждать только муфтий, который все понимает, а мы не можем, так как опасаемся, что, неправильно или неполно объяснив свою веру и допустив в том малейшую ошибку, станем неверными, как произнесшие хулу на Бога и закон Его» [3, с. 8].

Сложившаяся вокруг Корана ситуация стала причиной того, что к середине XIX в. ислам, к примеру в Средней Азии, стал инструментом манипуляции тюркоязычных народов представителями исламского духовенства.

В одной из статей, опубликованной в Астраханских Епархиальных Ведомостях в 1890 г., сообщалось о том, что мусульмане считают большим грехом переводить Коран с непонятного им арабского языка на их природный, дабы не согрешить перед Богом «неверным пониманием откровенной книги», и его толкование полностью зависит от степени образованности и порядочности самих мулл. Автор статьи писал: «Магометане не знают, что сословие мулл может выдумать все, что взбредет в голову, лишь бы была польза от этого их личному интересу... Киргизы, как и все прочие мусульмане, приходят в мечеть и повторяют за муллою установленные при богослужении молитвы, не зная даже, о чем в них говорится, а почтенный мулла не заботится растолковать значение этих молитв, напротив, говорит, что, дескать, “так молился наш великий Пророк, так молились наши прежние мусульманские святые, следовательно, они знали, что делать и как молиться: была бы лишь вера”» [15, с. 87].

В этот же период в периодической печати Российской империи регулярно стали появляться статьи о злоупотреблениях мулл, преимущественно выходцев из внутренних областей России. Например, И.И. Ибрагимов в «Очерках быта киргизов», описывая традиционные киргизские поминки, приводит случай, когда татарский мулла, дабы

избавить покойного киргиза от всех нажитых им при жизни грехов, обеспечив тому тем самым доступ в рай, за «умеренную плату принимал их на себя». Так, по числу названных родственниками прегрешений, которые совершил умерший при жизни, в собственность муллы перешли верблюд, лошадь, баран, младшая жена покойного, а в итоге и все его имущество. «В лаптях пришел – в бархате ушел» [4, с. 56], – заключил автор.

Не стеснялись пришлые проповедники, доля которых среди представителей духовенства только в Семиреченской области составляла в исследуемый период 9,4 % [2, с. 16], и в распространении межконфессиональной вражды. Автор одной из публикаций писал, что неоднократно слышал, как киргизы утверждали, что «покушение на собственность неправовверных (не мусульман. – О.С.) дело законное, и ссылались на муллу» [8, с. 11].

Несмотря на то, что чтение Корана носило механический, «бессмысленный» характер, русские мусульмане считали это дело самым благочестивым, ожидая щедрой награды от Всевышнего. По их общему убеждению, один процесс чтения давал чтецу «верную надежду на доступ к дверям милосердия Бога, любящего звуки небесной книги». В помощь верующим толкователями Корана разъяснялось, какая именно награда ожидает мусульманина за прочтение той или другой главы Корана, от каких бедствий какая глава может избавить. Так, к примеру, о силе первой главы Корана Аль-Базави, прославившийся своим тафсиром (трактовкой и комментированием) Корана, известным как «Тафсир аль-Базави», сообщалось следующее: «По преданию Хузейфы, сына Яманова, посланник Божий сказал: если Бог назначит и решительно определит адское мучение каким-либо людям, но одно дитя их прочтет по книге главу “хвала Богу, Господу миров”, Всевышний Бог услышит его и снимет с них наказание на сорок лет» [14, с. 69–70].

Методика обучения чтению Корана в профессиональных школах Средней Азии

Обучение технике чтения на арабском языке в Средней Азии, как и во всем арабском мире, осуществлялось в мектебах (низших мусульманских школах), обыкновенно организовывавшихся при мечетях в областях с оседлым населением. При кочевом укладе быта народов открывались «подвижные» магометанские школы, перекочевывавшие вместе с аулом из одного места в другое.

Процесс обучения в мектебе начинался с заучивания 6–8-летним мальчиком наизусть краткой вступительной молитвы, состоявшей из двух изречений на арабском языке, одного – на персидском. У способного ребенка на это уходило около двух дней, а ученик со слабой памятью мог твердить непонятные слова неделю и даже месяц. После заучивания молитвы ученик приносил так называемую «тахту» – деревянную дощечку с ручкой, на которой учитель чернилами выводил все 32 буквы арабского алфавита, приказывая заучивать их названия наизусть по 4 буквы одновременно. На это занятие у ученика уходило не менее месяца, после чего он переходил к «абджаду», представляющему собой 8 искусственных слов без значения, в которые включены все 32 буквы арабского алфавита: Абджад, Хавваз, Хуттий, Каламан, Са‘фас, Карашат, Сахаз, Дазаг. Каждой букве соответствовало числовое значение. Занимаясь составлением этих чисел, ученик упражнялся одновременно в заучивании сочетаний букв, каждая из которых имела три варианта начертания – в начале, в середине и в конце слов, в соединении с другими буквами и отдельно, с надстрочными и подстрочными знаками.

Освоив упражнение в складах, школяр радостно сообщал родителям, что завтра он переходит к чтению «гафтияка» – избранных глав Корана, по объему составляющих его седьмую часть, и будет называться уже «китабханом», т. е. «изучающим книгу». С этого момента он учился складывать слова арабского текста.

В своем культурно-историческом очерке, посвященном профессиональным школам Туркестанского края, Н.П. Остроумов, приводя в пример арабское слово «*альфалям зааль хи ва мим захам альхам даль пиидю альхамду*», пишет: «Если такая сложная система звуков необходима для произношения только одного слова, то нетрудно понять, что для

прочтения всего, хотя и небольшого по количеству страниц гафтияка требуется минимум год времени (если ученик способный) и два-три года, если ученик малоспособный: ведь нужно заучить на память огромную массу слогов, из которых состоят слова этой книжки, потому что сознательно складывать слова ученик не научился и ни одного слова в читаемой с таким трудом книжке не понимает» [10, с. 134].

Такой результат объяснялся не только отсутствием в лингводидактической системе профессиональных школ Среднеазиатского региона цели сформировать у учащихся навыки «говорения–понимания» арабского языка, но и, как утверждал Н.С. Лыкошин, боязнию тюркоязычных мусульман «хоть на йоту изменить смысл прочитанного изречения Корана при переводе» [7, с. 224]. Цель обучения в мектебах на протяжении всего их существования в среднеазиатском регионе оставалась узкопрактической – приучить чтеца быстро схватывать глазом буквы священной книги и произносить слова Корана нараспев, как они поются во время молитвы. Закономерно, что при функционировании в Туркестанском крае к 1897 г. 6430 легальных профессиональных школ, количество грамотных среди носителей тюркских языков составляло лишь 2,6 % [9, с. 128–132].

Закономерной оказалась и судьба одной из легендарных рукописей – Корана Усмана, попавшей примерно в XV в. на территорию Средней Азии. Хранящаяся в медресе Ходжа-Ахрар в Самарканде книга долгое время была почитаема и приносила муллам медресе большую прибыль: усердные мусульмане, приходя в медресе, клали на Коран деньги и читали над книгой молитву, хотя прочесть ее никто не мог. Лишь однажды ее удалось прочитать приезжему из России татарину. Народ сбегался посмотреть на это действие, как на чудо. А спустя некоторое время в один из тяжелых годов Коран Усмана был продан муллами охотно и недорого – за 100 рублей [13, с. 241].

Первые переводы и издания Корана в Российской империи

Потребность в расширении познаний об исламе в России поставила вопрос о переводе Корана на русский язык в ряд необходимых условий. Он был сделан по приказу Петра I и напечатан в 1716 г. под названием «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий». Переводчиком его был П.В. Постников. Его перевод был осуществлен на основе французского перевода Корана Андре дю Рие, напечатанного в Париже в 1647 г. [5, с. 77].

В 1787 г. свет увидел первый полный печатный арабский текст Корана, подготовленный и снабженный комментариями муллы Усмана Ибрахима. Для этой цели был специально отлит арабский шрифт, воспроизводивший почерк одного из самых знаменитых мусульманских каллиграфов того времени и являвшийся лучшим из всех арабских типографских шрифтов, существовавших в то время в Европе.

Его появление было обусловлено победами России в войнах с Турцией, окончательным присоединением Крыма и других областей с мусульманским населением и, как следствие, поиском дипломатических мер по умиротворению подданных-мусульман. Как отмечал Е.А. Резван, факт публикации в России Корана «активно использовался Екатериной во внешней политике, ...дав императрице возможность показать себя покровительницей ислама» [12, с. 402]. Подтверждением тому служат ее слова, что оказанный ею мусульманскому культу протекторат имел своей целью «не введение Магометанства, но для приманки на уду» [12, с. 601].

Снятые Указом от 15 декабря 1800 г. ограничения к печатанию в Российской империи мусульманской религиозной литературы активизировали деятельность мусульманских типографий. К примеру, с 1802 по 1806 гг. в первой в России мусульманской типографии, открытой в Казани в 1802 г., было напечатано 3500 экземпляров полного текста Корана на арабском языке. К середине века казанские типографии выпускали уже до 40000 экземпляров.

Препятствовать желанию русских мусульман печатать их вероучительную книгу власть не считала нужным, полагаясь на мнение Казанской духовной консистории.

Согласно ему, тезис о том, что «печатаение татарского Корана утверждает крепко в здешней стране мусульманство», можно было считать необоснованным, «так как Коран печатался не на татарском, а на незнакомом населению арабском языке, и дело это являлось делом торговли и барышничества, а не религиозных расчетов его издателей» [14, с. 46].

Выводы

Доктрина о непереводаемости Корана и одновременно его огромная роль в жизни мусульман способствовали превращению этой священной книги в орудие идеологического, политического и экономического влияния на мусульман неарабского происхождения. Российскими императорами Коран использовался для продвижения собственных геополитических интересов. Такая политика была весьма дальновидной, хотя и вызывала критику православных миссионеров, выражавших недовольство ростом в империи исламского религиозного влияния.

Для исламских священнослужителей Туркестанского края Коран на протяжении столетий оставался источником финансовой прибыли и инструментом социального и психологического воздействия на своих адептов. Все предпринимавшиеся просвещенными мусульманами Российской империи попытки перевести Коран на родной язык вызывали яростное сопротивление со стороны местного реакционного духовенства, утверждавшего, что никто не имеет права вникать в смысл изречений Корана. Запрет коснулся, к примеру, перевода Корана на азербайджанский язык, сделанного Гаджи Зейналабдином Тагиевым, вынужденным брать официальное разрешение на перевод и издание в Багдаде.

Следствием данного подхода являлось то обстоятельство, что за всю историю существования Российской империи здесь было подготовлено не более пяти переводов Корана на языки населявших ее народов, половина из которых была издана лишь при советской власти.

Вопрос о непереводаемости Корана особую актуальность обретает в дне сегодняшнем. Священная Книга мусульман, по замечанию Х. Курбанова, сотрудника ИИАЭ ДНЦ РАН, по-прежнему «остаётся правильно понятой лишь интеллектуальной элитой», в то время как «для иных категорий людей истинный смысл Корана закрыт» [6]. Доступными человеческому пониманию считаются исключительно тафсиры – толкования Корана, суть которых обусловлена не только уровнем владения толкователями арабским языком, их экстралингвистической компетентностью, знанием коранических наук, владением методологией тафсира, но и мировоззренческими и идеологическими взглядами. Раздвинутые, таким образом, границы творческого пространства в отдельных случаях создают возможность намеренного искажения истин традиционного, «академического» ислама и формирования идеологии «терроризма под прикрытием ислама», идеологии, становящейся достоянием масс.

Литература

1. *Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь.* – М.: Ансар, 2007. – 920 с.
2. *Валидов Д.Д.* Очерки истории образованности и литературы волжских татар (до революции 1917 г.). – М.–Л., 1923. – 48 с.
3. *Елисеев Е.* Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892–1899 гг. (С портретом и автографом автора и с 13 рисунками из миссионерской жизни). – СПб.: Тип. СПб. акц. о-ва печ. дела в России Е. Евдокимова, 1900. – 21 с.
4. *Ибрагимов И.И.* Очерки быта киргизов. Ч. 1. Поминки // Древняя и новая Россия. – СПб., 1876. – Т. 3, № 9. – С. 51–63.
5. Ислам. Религия, общество, государство / отв. ред. П.А. Грязневич, С.М. Прозоров. – М.: Наука, 1984. – 232 с.

6. Курбанов Х. Коран и «исламский экстремизм» [Электронный ресурс] // Islam Review. – 2015. – 6 апреля. – Режим доступа: <http://islamreview.ru/est-mnenie/koran-i-islamskij-ekstremizm> (Дата обращения: 18.11.2015).
7. Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. – Петроград: Тип. Б.Д. Брунера, 1916. – 415 с.
8. Н.А. Муллы в Каркалинском уезде // Особое прибавление к «Акмолинским Областным Ведомостям». – 1898, № 19. – С. 10–13.
9. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2 т. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб., 1905. – Т. 2. – 417 с.
10. Остроумов Н. Народное образование. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // Журнал Министерства Народного Просвещения. – СПб.: Сенатская типография, 1906. – Новая серия. Ч. I. – Февраль. – С. 113–166.
11. Путешествие в Бухару А. Борнса: в 3 ч. – М.: Университетская типография, 1849. – Ч. III. – 628 с.
12. Резван Е.А. Коран и его мир / отв. ред. В.Д. Ушаков. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 601 с.
13. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, А.П. Хорошхина / сост. П. Маев. – СПб.: Тип. А. Граншеля, 1876. – 533 с.
14. Сведения о Коране, законоположительной книге мохаммеданского вероучения / сост. Гордий Саблуков. – Казань: Ун. типография, 1884. – 394 с.
15. Солнцев А. Из религиозно-нравственной жизни киргизов Букеевской орды // Астраханские Епархиальные Ведомости. – 1890. – № 8. – С. 85–88.

References

1. Ali-zade A. Islamskii entsiklopedicheski slovar' [Islamic Encyclopedia]. – Moscow: Ansar, 2007. – 920 s. (In Russian).
2. Eliseev E. Zapiski missionera Bukonskogo stana Kirgizskoi missii za 1892–1899 gg.: (S portretom i avtografom avtora i s 13 risunkami iz missionerskoi zhizni) [Notes of a Missionary from Bukonsky Camp of Kyrgyz Mission for 1892–1899: (With the author's portrait and autograph and with 13 pictures of missionary life)]. – St. Petersburg: Tipografiia Sankt-Peterburgskogo aktsionernogo obshchestva pechatnogo dela v Rossii E. Evdokimova, 1900. – 21 s. (In Russian).
3. Ibragimov I.I. Ocherki byta kirgizov. Ch. 1. Pominki [Essays on the Daily Life of Kyrgyz People. Part 1. Funeral] // Drevniaia i novaia Rossiia. – St. Petersburg, 1876. – Vol. 3, № 9. – S. 51–63. (In Russian).
4. Islam. Religiiia, obshchestvo, gosudarstvo [Islam. Religion, Society, State] / отв. red. P.A. Giaznevich, S.M. Prozorov. – Moscow: Nauka, 1984. – 232 s. (In Russian).
5. Kurbanov Kh. Koran i "islamskii ekstremizm" [The Qur'an and "Islamic Extremism"] // Islam Review, 2015, April 6. Available at: <http://islamreview.ru/est-mnenie/koran-i-islamskij-ekstremizm/> (Accessed 18.11.2015). (In Russian).
6. Lykoshin N.S. Polzhizni v Turkeстане. Ocherki byta tuzemnogo naseleniia [Half a Lifetime in Turkestan. Essays on the Life of the Native Population]. – Petrograd: Tipografiia B. D. Brunera, 1916. – 415 s. (In Russian).
7. N. A. Mully v K-skomb uезде [Mullahs in the Karkalinsky Parish] // Osoboe pribavlenie k Akmolinskim Oblastnym Vedomostiam [Special Supplement to Akmolinsky Regional Vedomosti]. – 1898. – № 19. – S. 10–13. (In Russian).
8. Obshchii svod po Imperii rezul'tatov razrabotki dannyykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniia, proizvedennoi 28 ianvaria 1897 goda [A Common Body of the Data on the First General Sensus of the Empire's Population, produced on January 28, 1897] / Pod red. N.A. Troinitskogo. – St. Petersburg, 1905. – Vol. 2. – 417 s. (In Russian).

9. Ostroumov N. Narodnoe obrazovanie. Musul'manskie maktaby i rusko-tuzemnye shkoly v Turkestanskom krae [Public Education. Muslim Mektabs (Primary Schools) and Integrated (Russian-Native) Schools in Turkestan] // Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia [Journal of the Ministry of Public Education]. – St. Petersburg: Senatskaia tipografiia, 1906. – Part I. – February. – S. 113–166. (In Russian).
10. Puteshestvie v Bukharu A. Bornsa [Journey to Bukhara by A. Borns]. – Moscow: Universitetskaia tipografiia, 1849. – Part III. – 628 s. (In Russian).
11. Rezvan E. A. Koran i ego mir [Qur'an and its World] / Otv. red. V.D. Ushakov. – St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2001. – 601 s. (In Russian).
12. Sbornik statei kasaiushchikhsia do Turkestanskogo kraia A. P. Khoroshkhina [A Collection of Articles Relating to Turkestan by A. P. Horoshina] / Sost. P. Maev. – St. Petersburg: Tipografiia A. Transhelia, 1876. – 533 s. (In Russian).
13. Solntsev A. Iz religiozno-nravstvennoi zhizni kirgizov Bukeevskoi ordy [From the Religious and Moral Life of the of Bukeevskaya Horde Kyrgyzs] // Astrakhanskii Eparkhial'nye Vedomosti, 1890. – № 8. – S. 85–88. (In Russian).
14. Svedeniia o Korane, zakonopolozhitel'noi knige mokhammedanskogo veroucheniia [Information about the Qur'an, the Statute of Mohammed's Creed] / Sost. Gordii Sablukov. – Kazan': Universitetskaia Tipografiia, 1884. – 394 s. (In Russian).
15. Validov D.D. Ocherki istorii obrazovannosti i literatury volzhskikh tatar (do revoliutsii 1917 g.) [Essays on the History of Education and Literature of the Volga Tatars (before the Revolution of 1917)]. – Moscow – Leningrad, 1923. – 48 s. (In Russian).